

ФУЭТЕ

№41

Ведущий Владимир КОТЫХОВ

Тел. 250-72-72, e-mail: kultura@mk.ru

— Валерий, сегодня уже никого и ничем не удивишь. Но как ваши мужско-женские танцы воспринимались десять лет назад, когда появился коллектив? Не обвиняли ли вас в гомосексуальном эпатаже?

— Нам, конечно, было непросто. Но, к счастью, зрители нас сразу поняли и приняли. Естественно, слухов всяких хватает, но никаких обвинений в гомосексуальности мне слышать не приходилось. И все слухи и сплетни прекращаются, когда зрители видят нас на сцене. Хотя каждый волен думать то, что ему хочется, и никого переубеждать мы не собираемся.

— Что-то подобное еще где-то есть?

— В Нью-Йорке работает "Балет Трокадеро де Монте-Карло", но то, что они делают, — это совсем другое. Их программы — это грубая, порой вульгарная пародия на классический танец. Все это рассчитано на публику баров и ресторанов. Мы тоже пародируем балет, но делаем это тонко и изящно, к тому же профессионально, поскольку все мы по профессии — артисты балета, а наши зрители — истинные балетоманы.

— Вы хотите сказать, что технику женского классического танца вы освоили в совершенстве?

— Нет. Совершенство — это такое понятие, которое не имеет завершающей точки. В работе коллектива я добиваюсь того, чтобы наши танцы с удовольствием смотрели не только рядовые зрители, но и профессионалы. Вообще мы изначально не пытались заменить женщину в балете. Балерина — это такое прекрасное явление, что посягать на нее не стоит. И каким бы изящным, утонченным, пластичным ни был мужчина, он никогда не станцует так, как танцует женщина. Поэтому, если и братья за женский репертуар, то нужно это делать с некоторой долей отстраненности и юмора.

Но вначале, конечно, нужно было освоить женскую технику танца. И я даже представить себе не мог, насколько это будет мучительно трудно. В балетных театрах на 8 Марта устраивают капустники, надевают женские пачки, что-то там танцуют, все смеются. Но когда всерьез начинаешь заниматься женским танцем, то начинается каторга. Пуантовые туфли для нас оказались страшнее "испанского сапожка" — в кровь стертые пальцы, снятые скальпы с пяток, все это было, пока мы не приспособились к этим внешне красивым, но в действительности пыточным балетным туфелькам. Поэтому, когда я иногда слышу: "Подумаешь, понаряжались, и все..." — мне становится обидно.

— Размер обуви у ваших юношей какой? Мужской или женский?

— От сорок первого до сорок третьего, и это тоже была проблема, поскольку таких размеров женской балетной обуви в реальности нет. Мы шьем туфли на заказ, причем у каждого танцовщика есть своя личная колодка.

— А такой фирменный женский элемент, как тридцать два фуэте, вы исполнить можете?

— Еще в ту пору, когда я танцевал у Бориса Эйфмана, то в миниатюре "Комедианты" спокойно делал 32 фуэте. Там по сюжету балерина начинает делать этот трюк, но падает, вновь пытается его сделать, снова падает... тогда я, оттолкнув ее, выхожу на середину сцены и откручиваю 32 пируэта. Ребята нашей труппы тоже отлично справляются с фуэте, даже делают бисовку. В "Пахите" иногда три танцовщика откручивают фуэте с продвижением по диагонали из дальнего угла сцены к авансцене.

— Как вы скрываете свои мужские достоинства — мускулы рук, волосы на груди и всякие другие пикантные особенности мужчин?

— Мы ничего не скрываем и не пытаемся ввести зрителей в заблуждение, наоборот, подчеркиваем, что перед ними выступают мужчины, а не женщины.

— И все же кто-то может и обмануться. Отсюда, наверное, много смешных эпизодов?

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ вошел в историю балета два раза.

Сначала — как ведущий солист труппы Бориса Эйфмана, где станцевал в лучших спектаклях мастера, а затем — как создатель экстравагантного "Санкт-Петербургского мужского балета". В этом коллективе танцовщики исполняют женские партии, почти как настоящие балерины, и даже в их прикиде. Вчера Валерий Михайловский представил в столице программу-бенефис "Тридцать лет на сцене". Танцовщик показал специально созданные для него хореографические номера, а также два классических шлагера, на которые никто из мужчин пока еще не рискнул покуситься, — балет "Жизель" и "Умирающий лебедь" Фокина — Сен-Санса.

УМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

В ТУФЛЯХ Сорок ТРЕТЬЕГО РАЗМЕРА

МАРИНА СВИРИДОВА

— А как же особый образ жизни, который должен вести артист балета, строгая диета, режим, тренинг?

— Я стал курить поздно, лет в тридцать. И не чувствую, что мне это мешает, сбивает дыхание или сказывается на физической выносливости. А что касается тренинга, то он у меня очень жесткий. Так случилось, что давно, когда я еще танцевал в Одесском театре оперы и балета, у меня была сложная травма коленного сустава. В Москве в ЦИТО меня оперировала потрясающий врач Евгения Васильевна Багучкая. Она лечила всех наших гимнастов, футболистов, хоккеистов, артистов балета. Потом я попал к ней второй раз, когда танцевал у Эйфмана, тогда была травма ахиллеса сухожилия. И Евгения Васильевна опять поставила меня на ноги. Если бы не она, я бы, наверное, танцевать не смог. Хотя всегда танцую через страшную боль. Всегда, с той давней первой травмы. Поэтому только традиционного балетного экзерсиса мне недостаточно. Я делаю еще дополнительную гимнастику. Причем где угодно — в репетиционном зале, дома, в номере гостиницы, в купе поезда.

— В поезде?

— Да. Возю с собой специальный резиновый бинт для силовых упражнений, давно освоил верхние и нижние полки. А что делать? При нашей гастрольной жизни, если не заниматься, то быстро вылетит из формы. Бывает так, что мы с поезда и прямо на сцену. Вот сейчас переезжали из Владивостока в Читу, это почти трое суток в поезде, и, если бы мы лежали на полках и ничего не делали, а нас бы трясло и растрясывало, то танцевать мы, конечно, не смогли. А ведь мы за все время существования коллектива нигде не то что не отменили наших выступлений, а даже не задержали начала спектакля.

— А какие подарки вам подарили на юбилей и как прошел юбилейный концерт в Петербурге?

— Все было великолепно. Это проходило ле-

том, в пору отпусков, в понедельник. И несмотря на это Октябрьский зал, который вмещает четыре тысячи человек, был полон. Приехали друзья и поклонники из разных городов России и из-за рубежа. И это, конечно, главный подарок. Друзья устроили вечер в ночном клубе, потом мы катались по Неве. Представляете, белые ночи, Нева, все это необыкновенно красиво. А еще мне прислали из Лондона огромный букет цветов — нечто феноменальное, что невозможно описать словами.

— Цветов в вашей жизни, наверное, было много?

— Да, цветы мне всегда дарили. И с ними связан один эпизод. В балете Бориса Эйфмана "Идиот" я танцевал князя Мышкина, Алла Осипенко — Настасью Филипповну, а легендарный артист Большого театра Марис Лиена — Рогожина. Причем Рогожина он танцевал во втором составе, в очередь с Джоном Марковским. И всегда, после каждого спектакля, на сцену выносили два огромных букета роз. Один, бордовый, — для Аллы Осипенко, другой, белый, — для меня. Эти букеты были от Мариса Лиены, а к ним приложена записка "Цветы от Рогожина номер два". Забыть это невозможно.

— Да, хватает. Однажды, это, кажется, было в Перми, ребята, уже загримированные и в париках, разогреваются на сцене. А я стою за кулисами и слышу, как две уборщицы переговариваются между собой. Одна говорит другой: "Послушай, ты когда-нибудь видела таких здоровенных балерин?" Та отвечает: "Нет, никогда, а каким басом они говорят, ты слышишь?" — "Да что тут удивляться, все прокуренные".

— А из зрителей мужчин никто не предлагал вашим артистам руку и сердце?

— Нет, но как-то один зритель пришел за кулисы и потребовал, чтобы ему доказали, что перед ним выступали не женщины, а мужчины. Глядя на них из зрительного зала, он не разобрал.

— И как вы доказали?

— Ребята уже были разгримированы, без пачек, так что он все понял.

— Вы курите?

— Да.

Михайловский Валерий

18.10.01